

Лавров Кирилл

51 22.6.2000

Вас люблю

...В ЧАС, когда заходящее солнце обращает темную воду Фонтанки в расплавленное золото, в Большом драматическом начинается второй акт спектакля «Перед заходом солнца», в котором главный герой Маттиас Клаузен по-разному со своей прошлой жизнью.

— Прав я или не прав, но я решил обрубить канат, которым привязан к старому кораблю...

Клаузен играет Кирилл Лавров. Одинадцатый сезон в роли художественного руководителя театра он завершает, окончательно решив покинуть свой пост. Возможно, именно работа над пьесой Гауптмана породила желание свободы.

— Целые куски и фразы из этой пьесы так странно, до мистичности соответствуют тому, что я чувствую и понимаю сегодня. Эта роль для меня — как точка.

...Между кабинетом Лаврова и дверью с надписью «Г.А. Товстоногов», за которой навсегда опустевшая комната «главного», — длинный коридор-полкова, дистанция длиной в эпоху. В кабинете Лаврова горит электричество, но на самом хозяине будто лежит отсвет заката солнца. После премьеры, в финале которой зал, аплодируя, неизменно встает, Лавров явственно помолдел. Я говорю ему об этом, а он в ответ качает головой.

— Это потому лишь, что я последние полгода только и делаю что репетировал. Когда Дина (заведующая БДТ Дина Морицвна Шварц. — М.Т.) впервые рассказала мне о своем замысле, я вспомнил Симонину и подумал: куда мне! Он выходил и стоял неким монументом трагической школы. И мне вникнуть в со своим рылом в эту легенду!

Что ж, выбор и впрямь предлагался революционный: прославленный академический театр, со своим гол от года ветшающим мифом, — и «бродячий» режиссер-экспериментатор Григорий Козлов... (А прогос, для несведущих: Козлов — это белый пиджак, длинные черные волосы и цыганские глаза, горящие огнем тотального дружелюбия. Непременный участник всех значимых «профтузов», он сидит на пол, если мест больше нет. За спиной у него рюкзак, в котором экземпляры пьес, а иногда — бутылка водки. Козлов — это слабая режиссерских формулировок и точность художественной интуиции, это неистребимый дилетантизм и чувство красоты. И еще — «антитеатральная» атмосфера всеобщей любви в процессе репетиций.)

Явление Козлова (тогда еще не обладателя Госпремии) на Большой сцене БДТ было продиктовано не столько готовностью коллектива к рискованным шагам, сколько тягой художественного руководителя к переменам.

Именно эта мучительная тяга предопределила и нынешнее прощальное состояние БДТ, и внутреннюю драму самого Лаврова. Понять, как он, некогда первый кандидат на роль «положительного героя» советских экранов и сцены, поднялся к трагедии Маттиаса Клаузена (а он играет ее вопреки проломанному Симону очень тихо) — значит представить долгий путь, который прошел его театр и он сам от времен шумной славы до нынешнего момента.

В нашем длинном разговоре листьях дни своей жизни, Лавров то и дело цитировал Маттиаса Клаузена, словно был с ним нескончаемый диалог.

...НА СЦЕНУ БДТ Лавров некогда попал «в нагрудку». Вовсе не его, а жену, выпускницу школы-студии МХАТ, многообещающую актрису театра Леси Украинки, Валентину Николаеву, пригласил из Киева в Ленинград известный режиссер Константин Хохлов. Вновь назначенный в БДТ, он хотел «укрепить» расшатанную, отвыкшую подчиняться кому-либо труппу. Лавров по сию пору не забыл собрания коллектива, похожего на бунт, когда одна из актрис бросила в лицо главному:

— Вы, Константин Павлович, уподобляете плохой хозяйке, у которой погреб полон отличных продуктов, а она выпивает еще и котлеты по-киевски!

«Котлеты» сидели на банкеточках с краю, совершенно потевшись. Было это сорок пять лет назад. Хохлов умер от инфаркта. В Большой драматический пришел Товстоногов.

С ним и при нем Лавров стал тем, кем стал, — одним из самых ярких звезд мужского ансамбля БДТ и всеобщим бальном: его в равной мере любили зрители,

критики и партийное начальство. В его ролях присутствовал тот высокой пробы идеализм, который даже в циничных глазах цесарских бонз украшал их «безнадежное дело». Лавров нес мужскую суть, мужской характер. Что бы он ни играл, налицо был «весь набор» сильной личности: воля, упорство, целеустремленность. И — обаяние.

Весь, казалось, открытый как на ладони, Лавров на самом деле непроницаем и полон парадоксов. Тонкий мастер, он, однако, не получил никакого профессионального образования. Вместо этого — артистические гены родителей, годы службы на Курилах (в 43-м добровольцем ушел в армию и застрял в ней на восемь лет), а после — совет известного педагога Леонида Макарьева, определивший судьбу: «Идите прямо в театр»...

Самый «социальный» из всей товстоноговской труппы (горьковский Нил, шолоховский Давыдов и многократно — Ленин), казалось, незримо прощепеленный печатью «классовой благонадежности», — Лавров по своим своим дворянам. Имение предков, Григорьевское, в трех верстах от Хмельницкого, родовое грибовоедовское гнездо, прапрадед был дружен с Грибоедовым. Отец матери, Гулим-Левкович, офицер царской армии. Отец отца, директор гимназии Императорского человеколюбивого общества.

Воплощение уверенности в себе, Лавров, оказывается, всю жизнь боялся, что залезет на какую-то высоту, откуда будет свернуть со страшной силой...

Лауреат всех мыслимых премий, успешный, признанный и обласканный — главных своих ролей так и не сыграл. Последнее событие при Товстоногове — Астров. С тех пор прошло 18 лет. Какая-то важная струна, несмотря на работы в постановках Чхейдзе, осталась не задетой. Тихий голос его героя из спектакля «Перед заходом солнца» усилил сегодня сложным контекстом реальной жизни.

II.

Маттиас Клаузен: «...и голоса моих ранее ушедших друзей звучат во мне, не умолкая...»

В ГРИМЕРНОЙ Лаврова на столе клубок Пимена, на полу башмаки Клаузена. Павловский диван красного дерева, когда-то стоявший в театральном кабинете Блока. Старинный гримерный столик, купленный «на развалюху». «Многоуважаемый шкаф» подарил старая суфлерша. Если б не афиши на стенах, трудно было бы сказать, какое за окном столетие. Эту гримерную Лавров девятнадцать лет делил с Копляном.

...Когда мы с Фимкой разглагольствовали, повторялся один и тот же ритуал. Мы носились в трусах, полуголые и, отдирая бороды, усы, ставившие тряпки, пели одну и ту же неприличную песенку. А между нами бежала наша очаровательная, очень пошлая костюмерша Вера Михайловна Грюнберг, семидеять лет отсиживая в лагерях из-за своей немецкой фамилии, пыхтела с нами, да еще пыталась совладать с нас трусы!

Копляны был безумно смешлив, а также, мы с ним постоянно подшучивали друг над другом, были моменты на сцене, когда едва удерживались от катастрофы...

Однажды утром шел «Традиционный сбор», в котором я не был занят. Я зачем-то пришел в театр и заглянул на сцену. А там как раз эпизод, когда собираются выпускники, и среди них известный кино-режиссер, которого играл Фима. Красивый, знаменитость, у которого огромная массовка, едва он появляется, берет автографы. И черт меня дернул... Я вышел на сцену как был в своем костюме, смешался с массовой, склонившись, пролез к нему и попросил автограф... Он увидел меня и чуть не помер со смеху... А я тут же улизнул за кулисы.

Не успев выйти со сцены, меня зовут к Товстоногову. Ну, думаю, всё!

Он наклонился на меня как тигр: «Кира! Никогда не ожидал от вас, что вы позволите себе такое хулиганство! Вы развлекаете театр!»

Едем в Арт!..

Кирилл Лавров в пространстве искусства и судьбы

Я стою, обливаясь потом и ужасом, молчу. Ни тени, ни даже запаха цинизма Гога в профессии не допускаю.

...Пашу Луспекаева я увидел первый раз в Киеве в пьесе Крона, и он мне так понравился, что я пришел к нему в уборную и, не имея на то никаких полномочий, сказал: «Паша, приезжай к нам в театр! Он только посмеется. Прошло время. И вдруг меня вызывают почему-то в пожарную охрану, к телефону».

— Кирилл? Это Паша Луспекаев. А скажи, вот что ты мне говоришь о переходе к вам в театр, это серьезно?

— Да. Так я могу приехать. ...Его пошел встречать. Паша вышел из вагона в роскошном ратинговом бежевом пальто нараспашку, с золотой фишкой. Потом выяснилось: он у себя в Киеве разбил морду какому-то артисту и его уже собирались приковать. Товстоногов его взял в театр сразу и дал Черкуну в «Варяках». Паша был человек безудержного, безвешного темперамента и фантастически одаренный. Я его очень любил...

Но главным человеком в жизни был Товстоногов. Товстоногов, который останавливает репетицию «Горя от ума», чтобы предложить Лаврову (Молчалину) новый ход.

— Вдруг он сказал: да, Кира, всё верно, «на цыпочках и не боятся словами» (а я и сам сотни таких молчаливых видел в коридорах Смольного), но дело в том, что внутренне он презирает всех и вся. Это сильный человек, и Софья любит его, а не Чацкого за эту силу, которая потом когда-нибудь может его вознести на вершину власти...

И сразу выяснилось, что Грибоедов (тогда мне и в голову еще не приходило искать следы бабушкиного имени, от которого, когда я туда добрался через двадцать лет, остались только фундамент и парк) во всем идет нам навстречу... Товстоногов, который после премьеры «Дяди Вани» еще на сцене шепчет на ухо: «Я очень рад, Кира, что вы еще можете играть эту роль...»

— Я испытывал наслаждение от самого процесса работы с ним. Хотя мне бывало трудно. Я начинал курить, бросал, потом снова начинал... Каждый день приносил мне курить, бросал, потом снова начинал... Каждый день приносил мне курить, бросал, потом снова начинал...

...Она села на кровать, посмотрела на меня своими выпученными глазами и сказала: «По-тря-са-юще!»

III. РАЗНЫЕ слою жизни, разные люди, разное время — и всё это уместилось в одном толстом альбоме, который он открывает передо мной. (Маттиас Клаузен: «У меня полно слабостей... Автографы, первоиздания и тому подобное. У меня, к примеру, есть Библия Фуста, «Лаокон», написанный рукой самого Лессинга...») Вот автографы Комиссаржев-

ской и Блока (достались от матери). Вот письма Константина Симонова («мы подружились после «Живых и мертвых»), письмо Александра Солженицына. Гагарин и целый отряд космонавтов благодарят актера, сыгравшего в «Угрожении огня». Автограф Марчелло Мастоини («мы с ним ехали в поезде из Петербурга в Москву, я его поил спиртом, жену он отправил спать, а мы всю ночь разговаривали бог знает на каком языке, но прекрасно понимая друг друга»). «Солёные» эпиграммы Михаила Дудина, которые он перепрыгивал сору по мукан на обкомовских «заседаниях» (самая невинная: «Смотрим в новый день толково, там спокойно и легко, да товарища Лаврова специальная корова будет делать моло-

дой...»). И письмо тетки, старой актрисы Ольги Сергеевны Лавровой, написанное бисерным четким почерком, — с воспоминаниями о Шалипине... Здесь, в альбоме, будто соединены люди с разных планов — футболист Пеле и Александр Вертинский...

А вот недавнее письмо Виктора Астафьева: «...зима у нас под Новый год как завернула к 30, так и не отпускает. Очень страшно всё стало на свете, — по Таймыру и Заполярье температура гораздо выше, чем у нас, так и вспоминается крамольная старуха, которая сказала, глядя на верблюда: «И чего только эта блядская советская власть с лошаду не сделает!» А как живешь ты, дорогой мой человек? Слышал... ты хочешь уйти... Как же будешь без маэты этой...»

IV. ОДИНАДЦАТЬ трудных лет без Товстоногова. В истории БДТ был тяжкий период сплошных уграт, когда в большом фойе чаще, чем на празднование премьер, собирались на поминки... И цель, которую ставил перед собой художественный руководитель БДТ Кирилл Лавров, — «сохранить дух Товстоногова», с годами становилась все умогительней.

Как-то один участник худсоветов — эту архаическую структуру Лавров по сей день не отменил — под большим секретом рассказал, как происходило обсуждение «Федры» — творческого предложения одного из самых тонких петербургских режиссеров-новаторов Григория Дятковского (на Малой сцене БДТ он уже поставил — и блестяще — стриндберговского «Отца»).

Страсти на худсовете разгорелись нешуточные. Одни кричали, что театр не должен идти на поводу у режиссера, другие, что «Федра» нам вообще не нужна! Кто-то объявлял пьесу чернухой, кто-то вслух выражал надежду, что в этом спектакле его не займут. Популярнейший артист спрашивал, нельзя ли вместо этого поставить «Зойкину квартиру», а другой призывал вспомнить славную историю БДТ со спектаклями высокой социальной значимости. «Федра — это зверюга!» — заявляла одна замечательность. Лишь молодая актриса робко молвила, что Расин, дескать, не нуждается в защите. Но была мгновенно подавлена хором остальных участников, требовавших, чтобы «Федра» была поставлена в другом театре.

Кончилось все тем, что Лавров ударил кулаком по столу и заявил, что решать будет сам. Сейчас репетиции «Федры» уже идут.

Случай этот далеко не первый. Некогда Лаврова выбрали главой театра единогласно. Сегодня от бывшего единоличия не осталось и следа. В БДТ с недоверием и полорительностью смотрят на талантливых новичков и не хотят меняться. Но сам бесстрашный ход вещей меняет облик театральной империи. Время, как оползень, сдвигает некогда неземную почву, делит трещинами площадь театра на десятки «островов».

V. ...ЗАБЛУДИВШИСЬ в пустынях переходов за сценой, я уже собралась кричать «ау», как за поворотом мелькнул чей-то бант.

— Оля?

— Да.

— Выведи меня отсюда.

Внучка Лаврова — постоянный обитатель кулис и, само собой, уже хлебнула театрального яду. В свои девять лет выходит на сцену Большого драматического, участвуя все в том же гауптмановском спектакле, в эпизоде, где вся семья поздравляет Клаузена с днем рождения. Лавров рассказывал, как на днях, падая от усталости, пришел домой, мечтая о диване. Тут же раздался звонок.

— Дед, я дома одна, ты бы ко мне не пришел?

— Тебе отказать не могу.

И вновь натянул ботинки. Внучка распахнула дверь и, заглядывая в глаза, первым делом спросила:

— Скажи правду: я вчера очень переигрывала?

Из двоих лавровских детей только дочь выбрала театр. В спектакле «Перед заходом солнца» Мария Лаврова играет дочь Клаузена Беттину — безошибочно точно.

Роман Лаврова с женой начался на «идеальной почве».

— В Киеве я был секретарем комсомольской организации театра. Случилась невероятная снежная зима, и я объявил суботник для комсомольцев — снег сгребать. А она не пришла. Я ее вызвал «на ковер», чтоб как следует пропосе-чить, — и вдруг она стала мне строить глазки... И начался роман...

Они поженились в марте 53-го, свадьбы не было из-за траура по Сталину. С тех пор прошло почти полвека.

— Клаузен в спектакле говорит: «...Я свободен как птица, меня больше ничто не связывает». И я тоже сегодня обрел внутреннюю свободу. От властей придерживающихся, от козлов, от всего мира. Но она приходит взамен многого другого, с чем жалко расставаться...

Есть люди, которые считают, что в каждом возрасте — своя прелесть. Я с этим категорически не согласен! Возраст отбирает последние, несбыточные надежды — на то, что вопреки всему что-то еще может случиться — надежду на бессмертие... И ты понимаешь, что прекрасное мгновение, которое называется жизнью, рано или поздно приходит к концу.

ЛАВРОВ говорит, что устал. Устал искать идеальный пресмыкающийся. Устал бороться с совершенной ошибкой и тем предать «великое и святое дело всей своей жизни». Устал сомневаться...

За годы без Товстоногова он испил горькую чашу, в которой поровну — его личные слабости и объективных сложностей. А попытки отыгаться меняющемуся веку, приход молодых в театр казались раз стоил художественному руководителю борьбы. Лавров понимает: БДТ нужны реформы. Нужны новые строители театра. Новая режиссерская воля.

Следующий театральный сезон для него особенный. 15 сентября исполнится пятьдесят лет, как он вышел на сцену, сорок пять, как играет в БДТ, и семья-сят пять — от роду.

— ...Я ХОЧУ в Арт! — восклицает Маттиас Клаузен в финале. «Едем в Арт!»

Для гауптмановского героя Арт — волшебное место на Жевневском озере. А для артиста — пространство искусства, в котором преодолевается всё — возраст, усталость, сомнения. И в котором он остается самим собой — блистательным Лавровым, которого любит вся страна.

Марина ТОКАРЕВА

САТИРИКОН

имени Аркадия Райкина

10 ИЮЛЯ

В МОНОСПЕКТАКЛЕ ПО ПЬЕСЕ ПАТРИКА ЗЮСКИНДА

«КОНТРАБАС»

ПОСТАНОВКА ЕЛЕНА НЕВЕЖИНОЙ

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 289-78-44, 218-20-30